

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ  
ПО ПРИКЛАДНОЙ  
И НЕОТЛОЖНОЙ  
ЭТНОЛОГИИ

СЕРИЯ А

Документ № 24

С.Н. АБАШИН, В.И. БУШКОВ.

Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ  
ОТНОШЕНИЯ  
В СССР

---

Материалы серии отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа: В. А. Тишков (отв. ред.)

Н. А. Лопуленко

М. Ю. Мартынова

С. С. Савоскул

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу: 117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а, Институт этнологии и антропологии РАН, тел, 938-00-19

С.Н. Абалин

В.И. Бушков

### Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана

Вот уже более двух лет многие регионы нашей страны сотрясают кровавые межнациональные конфликты. К одному из таких регионов, где счет убитым и раненым идет уже на многие сотни человек, относится и Средняя Азия, с ее поразившими всю страну событиями в Ферганской долине (1989 г. - Фергана и Коканд, 1990 г. - Ош и Узген) и Душанбе (1990 г.) Однако этими, теперь уже печально известными городами и территориями сфера межнациональной напряженности в рассматриваемом регионе не ограничивается. По всей Средней Азии на протяжении нередко десятилетий тлеют огоньки внутренних конфликтов, которые либо при полном бездействии власти, ее стремлении скрыть свои просчеты, либо при умелом раздувании со стороны самых различных политических сил, грозят перерасти в новые очаги межнациональных пожаров и глобально-политических противостояний. Одним из примеров, когда на наших глазах годами тянувшиеся споры из-за земли и воды вдруг стали поводом серьезнейших политических разногласий между двумя соседними республиками, стал конфликт между таджиками Исфаринского района Ленинабадской области Таджикской ССР и киргизами Баткенского района Ошской области Киргизской республики. Причин и истории этого конфликта нам уже приходилось касаться<sup>1</sup>.

Казалось бы, за прошедшие два года после первых крупных публичных вспышек взаимных обид в 1989 г. ситуация изменилась к лучшему: население, после передачи ему значительных массивов земли, успокоилось; приняты меры по улучшению и регулированию водопользования; ведутся переговоры между партийно-советским руководством Исфаринского и Баткенского районов по поводу некоторых спорных участков.

И вот сообщение в печати: вновь вспыхнул конфликт в Исфаре. По сообщениям прессы, весной 1991 г. опять начались волнения и столкновения, таджики требовали передачи им в постоянное пользование 10 тыс. га земель. Президенты республик обменялись в связи с этим официальными упреками в нежелании решать возникшие проблемы? Таким образом, ситуация переросла рамки экономических притязаний, приняв форму межнационального противостояния в отдельном районе. Локальный конфликт приобрел также характер политического инцидента, т.к. теперь речь уже пошла фактически о пересмотре межреспубликанских границ. В такой новой постановке вопрос, требовавший спокойного обсуждения местным населением и органами власти, становится серьезным, дестабилизирующим всю обстановку в Средней Азии фактором. Не исключено, что вслед за претензиями об изменении границ между Баткенским и Исфаринским районами последует целая серия аналогичных претензий в самых различных местах, в том числе и со стороны других республик. Следовательно, выводы, сделанные нами ранее, о том, что "ситуацию в регионе в социально-экономическом плане можно оценить как чрезвычайную, чреватую дальнейшими социальными потрясениями...", а также об "ошибочности проведенного в свое время в Средней Азии национально-государственного размежевания, поставившего в итоге жесткие национальные границы хозяйственно-экономическому и социальному развитию"<sup>3</sup>, полностью подтверждаются практикой.

О чем же, по-существу, идет речь. Если в конце 1989 г. в Исфаринском районе проживало 160,2 тыс. человек, то уже через пять лет к 1995 г., при сохранении нынешних темпов прироста населения, будет проживать 202,7 тыс. человек, а к 2000 г. - 256,2 тыс.<sup>4</sup> Это существенно ухудшит и так уже критическую хозяйственную ситуацию. В 1990 г. (данные на 1 января) средняя площадь земель района, использовавшихся во всех видах сельскохозяйственной деятельности, в расчете на одного жителя составила 0,135 га, или 13,5 соток. На 01.01 95 общей площади этой категории на одного жителя будет

приходиться всего лишь 0,107 га, или 10,7 соток, а на 01.01.2000 - 0,0855га, или 8,5 соток. Если учесть, что для жизнеобеспечения одного человека по европейским нормам ООН необходимо 0,28 га пашни, что в условном пересчете на среднеазиатский земельный банитет и климатические условия (2-3 урожая в год) даст 0,09-0,14 га, то ясно, что район не только лишится возможности ведения товарного земледелия, но и вплотную встанет перед угрозой голода. Даже если принять во внимание усилия, направленные в районе на обводнение новых территорий, то, учитывая резко возросшую стоимость таких усилий, а также практическую исчерпанность водных ресурсов, нетрудно сделать вывод о стремительном сокращении сельскохозяйственных угодий. Подобную же тенденцию мы наблюдаем по всей территории Таджикистана, а также практически во всех соседних республиках. Если не будет найдено какого-либо решения проблемы занятости населения вне сферы сельского хозяйства, что, естественно, потребует переориентации экономики, политики и идеологии среднеазиатских республик на современные формы общественных отношений, ситуация в регионе в целом выйдет из-под контроля и начнется цепная реакция социальных взрывов. Власти республик уже, несомненно, понимают грозящие им и их народам последствия сегодняшних экономических и социальных трудностей. Однако целиком захваченные национальной идеей в условиях национально-государственных структур, нередко пытаются искать решение названных проблем не в долгосрочных и скоординированных действиях по реализации программы регулирования рождаемости, развития мелкой и средней промышленности, сферы услуг, рационализации использования земли и воды, перехода на новые, современные сельскохозяйственные технологии и т.д., а в вытеснении "чужих" национальностей со "своих" территорий и предъявления притязаний на земли соседей. Такая политика не только не помогает решению собственно социальных проблем, но и, усугубляя межнациональные противоречия, провоцирует дальнейший рост напряженности.

В связи с этим, одним из следствий подобного отношения к вопросам межнациональных связей стало также нагнетание не-

обоснованных претензий к некоренным жителям, в первую очередь – выходцам из России. На почве подобных настроений, все более распространяющихся среди местного населения, движение за возрождение и восстановление традиций во многих случаях приобретает откровенно антирусский характер. В этом плане существенно возросла напряженность в самой столице Ленинабадской области – г.Ходженте и его непосредственной округе. Одним из дестабилизирующих факторов, способствующих нарастанию процесса выезда некоренного населения (хотя пока и не в таких масштабах, как из Душанбе и городов Ферганской долины), стало появление не только в области, но и в городе мощной группы мусульман, пропагандирующей идеологию ваххабизма. Цели данной группы применительно к условиям Средней Азии заключаются в том, чтобы изменить бытующие нормы ислама, максимально уменьшив воздействие европейской культуры и даже независимо от возможных положительных элементов в их программе (снижение расходов на традиционную обрядность, непосильных по их мнению для большинства трудящихся, борьба с пьянством, коррупционностью официального духовенства и т.д.) Поэтому объективно их деятельность способствует усилению противостояния таджиков с иными, проживающими в республике, группами населения.

Любая конфронтация на межнациональной почве способна вызвать – и уже фактически вызывает – цепную реакцию разрушительных действий, которые парализуют всю современную экономическую и социальную инфраструктуру. Десятилетиями ситуация в регионе складывалась таким образом, что многие сферы и отрасли хозяйства, особенно там, где был необходим высококвалифицированный труд, обслуживались в основном приезжими, некоренными группами населения. Выезд в результате национальных конфликтов русскоязычных жителей приведет к нарушению нормального функционирования всего хозяйства и огромным материальным и моральным издержкам<sup>5</sup>. Так, например, в Исфаринском районе складывается такая ситуация. Всего здесь на 01.01.90 проживало 13718 человек, или 8,49% населения некоренных национальностей (русские – 7262 чел., украинцы – 419, немцы –

197, мордовцы - 95, корейцы - 47, евреи - 24, татары - 3558, прочие - 2116). В то же время население горняцкого поселка Шураб - центра угледобычи - составило 8470 чел., пос. Нефтебад (б. Пирдевак) - 3903, пос. КИМ (б. САНТО) - 2400, а всего - 14773 человека<sup>6</sup>. Если даже принять во внимание, что часть некоренных жителей работает не только в упомянутых поселках, но и на заводах г. Исфара, а также то, что некоторые из этих групп заняты в значительной степени, или даже преимущественно, не в промышленности (татары, например, в сфере управления, культуры, здравоохранения, народного образования; корейцы - в сельском хозяйстве), то вывод все равно будет однозначным: массовый выезд из района этих групп будет иметь самые разрушительные последствия.

Итак, приходится констатировать, что без принятия радикальных и комплексных мер по нормализации межнациональных отношений и выводу экономики региона из кризиса неизбежно разрастание местных локальных конфликтов как вширь, так и вглубь.

В качестве примера негативного развития современных социальных процессов можно указать также на северные территории Ленинабадской области. Это - новая часть Матчинского района, где в настоящее время проживают таджики (примерно 76,8% из общего числа населения 86,5 тыс.), узбеки-курама и некоторые другие (14,5%), русские, корейцы, крымские татары (большинство уехало в 1989-1990 гг.) и другие некоренные национальности (8,7%)<sup>7</sup>. Корни современных социальных процессов в районе уходят не в такое уж далекое прошлое, когда в середине 1950-х гг. практически все население Матчи было переселено в дальверзинскую степь, где возник новый Матчинский район<sup>8</sup>, и где предполагалось создать хлопководческие хозяйства. Административный характер переселения, практическое отсутствие на новом месте систем жизнеобеспечения и необходимой социальной инфраструктуры (воды, медицинской помощи, школ и т.д.) вызвали в первые после переселения годы колоссальный рост детской и старческой смертности (у детей до 600 промиллей). Население попало в совершенно не-

привычные климатические условия, вынуждено было полностью сменить традиционную хозяйственную ориентацию, перейти на непривычный пищевой рацион и существенно худшие условия обеспечения питьевой водой.

Хотя постепенно бытовые условия были налажены, физические и моральные потери в этой группе населения были настолько велики, что ощущаются и сегодня. Были утеряны многие социально-культурные институты в тех формах, которые были присущи именно этой группе горных таджиков (например, практически полностью институт мужских объединений), разорваны межпоколенные связи. Возникла своего рода сельская маргинальная общность. Можно лишь порадоваться, что в районе сложилась такая ситуация, при которой территории расселения матчинцев и местных узбекских групп не совпали. Таджики заняли равнину, тогда как узбеки издавна селились в предгорьях. Это обеспечило каждой из групп особое экономическое пространство и практически исключило конфликты на экономической почве (схема, зона I).

Однако в последние годы общие среднеазиатские процессы затронули и район. Таджикская часть района стала первой в области, где широкое распространение получило движение ваххабитов (молодежь 20-30 лет). И хотя представители этой группы в беседах отрицают антирусскую направленность, движения, по словам других местных жителей - не ваххабитов, она не только присутствует во взглядах фундаменталистов, но и начинает сказываться на общей ситуации. Существенное влияние на взаимоотношения местного и некоренного населения, как уже говорилось, оказывает общая ситуация в регионе. Конфликты в Фергане и Коканде, Душанбе и Оше были исключительно остро восприняты русскоязычными жителями и создали общий фон межнационального недоверия. Тем более, что конфликты в соседнем Узбекистане очень близко подходили к границам Матчинского района (Бука, Заркент), и хотя и не перешли этих границ, вызвали серьезные опасения жителей. Все это привело к выезду в 1989-1990-х гг. из района крымских татар (компактно проживавших в так называемом Татарском городке поселка Оббурдон



(Уч. № 2)<sup>х</sup>. В настоящее время район покидает русское и другое некоренное население, причем масштабы этого процесса приобретают все более заметный характер. Некоторое представление об этих масштабах дают следующие цифры. В центре района Бустоне, в русскоязычной школе, где обучалось 563 ученика, в связи с выездом родителей в 1990/1991 уч. году прекратили учебу около 60 учеников<sup>9</sup>.

Давление со стороны таджиков, преимущественно языкового характера, ощущают даже русские, в течение десятилетий проживающие здесь и имеющие прочную материальную обеспеченность и достаточно высокий по местным нормам социальный престиж (например, работники сферы обслуживания). Все это свидетельствует о существенной политизации процессов и переход их в иное качество.

Вместе с тем нужно отметить, что открыто антирусская пропаганда в рассматриваемых районах не ведется. Более того, по сравнению, например, с соседними областями Узбекистана обстановку в Северном Таджикистане можно было бы вполне внешне оценить мирной и даже дружелюбной. Частично это можно объяснить и все возрастающим, достаточно агрессивным давлением на самих же таджиков со стороны узбеков не только соседнего Узбекистана, но и проживающих в пределах области. От местных таджиков часто приходилось слышать жалобы на высокомерное поведение узбеков, которое проявлялось, в частности, в их нежелании разговаривать на таджикском языке даже в Таджикистане (под влиянием целенаправленной пропаганды с территории Узбекистана). В определенном смысле можно даже сказать, что таджики нередко испытывают в общении с местными узбеками тот же психологический дискомфорт, что и русскоязычное население при общении с таджиками. В такой ситуации, по-видимому, у таджиков и русских оказывается больше взаимопонимания. Только так можно объяснить факт настойчивого желания части интеллигенции из числа таджиков, причем наиболее социально активной, донести до сведения московских руководи-

---

х Не путать с историческим Оббурдоном на Зеравшане.

телей их убежденность в том, что союз между СССР и Таджикистаном не будет разрушен<sup>10</sup>.

В связи с этим следует вкратце остановиться и на таджикско-узбекском конфликте 1989 г. в Ганчинском районе, который практически не освещался прессой. По имеющимся данным, в основе конфликта лежали требования о перераспределении пастбищ между таджикскими группами северных предгорий Туркестанского хребта (селений, входивших в совхоз им.К.Маркса: Метк, Росровут, Хшикат, Дахкат и некоторых других) и узбекскими селениями предгорий (Мурьяк, Кучкана и, видимо, некоторых других).<sup>11</sup>

Этот конфликт также имеет историческую подоплеку. В конце XIX в. население в зоне конфликта было представлено двумя группами: таджиками (227 хоз., примерно 1235 чел.)<sup>12</sup> и узбеками. Из последних узбеки-чагатаи составляли около половины жителей сел Авчи (т.е. 10-15 хоз.), но уже в то время были практически ассимилированы таджиками. Несколько семей чагатаев проживали и в Равате - особом квартале сел.Кали Мирзобай, позднее вошедшим в состав пос.Калининабад. Земли предгорий находились в совместном пользовании таджиков и небольших групп скотоводов-тюрков, одна из групп которых, численностью в 17 хоз., зимовала возле с.Дахката. Последние в конце XIX - начале XX вв. постепенно оседали на землю. К 1885 г. ими в этой зоне был образован аул Ялиакбаш (видимо, Элик-баши) в 50 юрт и 252 чел., а к 1904 г. - аул Мурьяк (4 семейно-родственных группы - уруга, 16 юрт, 144 чел.)<sup>13</sup>. К 1920 г. из этих аулов сформировались селения Кучкана и Мурьяк. Следовательно, первая четверть XX в. - период перераспределения земель в зоне между таджикским и узбекским населением. Причем спецификой этого процесса было перераспределение не поливных земель, которыми таджикские селения в тот период были относительно хорошо обеспечены за счет отвода арками воды из речек Равутдин, Шибароб, Чапыргазы, Дахкатсу (истоки левого притока Сырдарьи р.Аксу), Шаган и Арглы, а также, частично, использования ключей и кяризов, и в которых у тюрков-барласов в тот период не было острой нужды

(вполне хватало ключевой воды). Перераспределение коснулось преимущественно предгорных пастбищ, т.к. турки были скотоводами, да и в хозяйстве местных таджиков скотоводство играло далеко не подсобную роль (от 16,7 до 40 и более процентов)<sup>14</sup>. Ситуация смягчалась также тем, что основные пастбища турков располагались не в зоне предгорий, а на территории Голодной степи.<sup>15</sup>

Однако к нашему времени ситуация существенно изменилась. Как во всем регионе, в этой зоне резко возросла численность населения. К концу 1960-х гг. она достигла примерно 10,2 тыс. человек, а к середине 1980-х – несколько более 20 тыс.<sup>16</sup> Это существенно усложнило условия хозяйствования, привело к практически полному истощению основных средств жизнеобеспечения: земли и, особенно, воды. На территории Ганчинского и соседнего Уратюбинского районов есть лишь две относительно крупных водных артерии. Это р. Аксу, которая уже в начале века из-за разбора воды лишь в половодье впадала в Сырдарью и сай Колон (Катта-сай), орошавший Уратюбинский оазис. Обе эти артерии уже хронически не способны справиться не только с орошением, но и с поставкой питьевой воды. Кроме того, практически полностью из традиционного хозяйственного оборота (скотоводство) выведена Голодная степь. Еще в начале 1980-х гг. там можно было пастись скот по бровкам магистральных каналов, теперь же и это невозможно. Следовательно, основная нагрузка падает теперь на горные и предгорные пастбища, которые, как показывают новейшие исследования, стремительно деградируют.<sup>17</sup>

Эти обстоятельства и вызвали в 1969 г. достаточно жесткий конфликт между таджиками и турками-барласами. Нельзя не отметить, что в процессе ликвидации конфликта, когда в качестве барьера между конфликтующими сторонами выступали силы МВД Ленинабадской области, женщины-узбечки шли на милицию, поднимая подола платьев и обнажив животы. Это, по традиции, означало высшую степень презрения к врагу, жертвенности и стремления ценой жизни защищать свои интересы. Случаи подобного поведения, не совместимые с мусульманским правоверием,

нам известны и из истории. Например, во время войны кокандского хана Худояра с кипчаками сарты — жители Коканда были поражены и возмущены, когда кипчакские женщины открыто появлялись обнаженными, демонстрируя полное пренебрежение к ним. Само же по себе активное участие женщин в конфликте, как это было и во время узбекско-киргизского конфликта в Оше, предполагает достаточно высокую степень традиционной идеологизации и определенный уровень организаторской работы.

Хотя пока нет официальных данных о ситуации в этой зоне сегодня, нет никакого сомнения, что искры конфликта продолжают тлеть и при малейшем внешнем толчке они вновь вспыхнут. Причиной этого может стать и тот факт, что в зоне практически отсутствует возможность какого-либо перераспределения в пользу населения пахотных земель (из-за их нехватки и скотоводческой ориентации как узбекского, так и значительной части таджикского населения).

Таким образом, указанная зона, хотя и не упоминается в числе мест, где в 1991 г. произошли локальные конфликты, она, несомненно, станет таковой при малейшем возрастании напряженности.

В качестве еще одного примера конфликтов между отдельными группами кочевых в прошлом узбеков и таджиками можно указать на ситуацию, сложившуюся вокруг крупного культового центра Чашмаи Арзанак, расположенного вблизи северо-восточной окраины правобережного Ходжента, в отрогах гор Моголтау (Мевагул). Суть конфликта в следующем.

В начале 1960-х гг. недалеко от мазара в горном распадке поселились две семьи скотоводов-кипчаков. История происхождения этой группы, как сообщают информаторы, начинается с середины прошлого века, когда женщина из племени кипчаков, спасаясь от резни, устроенной Худояр-ханом (т.н. кипчакская резня 1852 г.), бежала в горы Моголтау и где-то в пещере родила мальчиков. Потомки этой женщины раньше проживали в юртах в глубине горного массива, в местах, где имелись небольшие горные источники, удовлетворявшие их бытовые и хозяйственные нужды. После переселения в 1960-х гг. кипчаки были вынуждены

пользоваться водой источника культового места, т.к. других возможностей не было. Ежедневно по утрам, они с разрешения шейха приходили за водой, наполняли две фляги и на ишаках увозили к себе. Уже в 1970 г. между этой группой скотоводов (пастухов) и семьей шейха мазара существовали очень натянутые отношения. Постепенно, по мере роста численности этой группы, отдельные семьи были вынуждены выйти за границы первоначального расселения и поселиться в непосредственной близости от мазара. Это привело к отчуждению земель мазара (формально считавшихся принадлежащими совхозу Шаллас), причем, по крайней мере в ряде случаев, земля отводилась за взятки. Стала разбираться вода источника, которой теперь уже не хватает ни для кого. Сейчас вблизи мазара проживают уже девять кипчакских семей. Мазар, который кроме обеспечения выполнения специфических культовых действий традиционно был местом проведения сайлей – праздников жителей Ходжента и некоторых пригородных селений, практически был разрушен и больше не используется жителями города в праздничной практике. Конфликт между кипчаками и таджиками приобрел предельную остроту (вплоть до угроз физической расправы со стороны кипчаков) и форму межнациональной вражды, т.к. в понимании таджиков речь идет о невозможности ими защитить свою "национальную" территорию.

Таким образом, и в ближайшей округе г.Ходжента (да и в самом городе, как будет показано ниже) отмечается рост социальной напряженности, выраженный в форме микроконфликтов с национальным оттенком. Эта напряженность имеет тенденцию к возрастанию и вполне может вылиться в локальный конфликт по типу исфаринско-баткенского.

Анализ всех конфликтных ситуаций в Северном Таджикистане, на фоне всех аналогичных конфликтов в других регионах Средней Азии позволил выявить одну важную закономерность возникновения микроконфликта и его быстрого перерастания в конфликт локальный. Чаще всего причиной напряженности становится противоречие между традиционными правами оседлых таджиков и правами еще недавно полuosедлых узбеков (или других тюркоязычных

групп). Вплоть до 1930-х гг. объектом земельной собственности оседлых и полукочевых групп были различные категории земель: у первых – поливные и богарные участки пахотных земель, у вторых – пастбища. Эти категории земель могли располагаться чересполосно и, тем не менее, собственно характер их использования не приводил к сколько-нибудь масштабным земельным спорам. После массового и нередко насильственного оседания кочевых тюркоязычных групп происходило искусственное перераспределение поливных земель в их пользу, что сразу же становилось основой для конфронтации. Чем меньше оставалось земли, пригодной для интенсивного хозяйствования, тем больше споров вокруг нее возникало между локальными группами населения, предъявлявших на нее свои права. Ситуация постепенно обострялась и приобретала всеобщий характер в связи с неконтролируемым ростом населения. Похожие конфликты из-за земли привели к кровавой бойне в Оше и Узгене. Даже в самом Ходженте пришлось наблюдать такого рода конфликт, но уже на почве происходящих городских перепланировок. Например, в одном из старых кварталов-махаллей города Арабхоне таджики, переселившиеся в него из Уратюбе, Канибадама и областей узбекской части Ферганской долины, предпринимают меры с целью склонить городские власти к сносу старых строений и строительству на их месте современных городских домов со всеми удобствами. Коренные же жители Арабхоны – потомки арабов сопротивляются этому, не желая покидать дома и земли своих предков. Есть в этом конфликте и экономическая сторона: если переселенцы имеют участки в местах своего прежнего жительство<sup>18</sup>, то местные жители, теряя земельный надел, существенно ухудшают свое материальное положение. Этот вполне экономический конфликт также может приобрести, учитывая происхождение конфликтующих сторон, форму бытового противостояния "наших" – арабов, и "не наших" – таджиков. По-видимому, такие микроконфликты типичны для региона, где комплекс экономических проблем, замешанных на земельном голоде, дополняется отсутствием стабильной правовой основы для разрешения земельных споров. На бытовом уровне, как правило, в качестве

аргумента в пользу собственных претензий используются как нормы традиционного (адат и шариат) права, так и права современного. Однако поскольку традиции не имеют официального статуса, а современная юрисдикция не соответствует традиционной культуре и психологии местного населения, то ни то, ни другое не способно полноценно выполнять свои функции. В таких условиях микроконфликт легко перерастает в локальный, когда право пользования землей, водой и другими природными богатствами устанавливается с помощью силы, через столкновение противостоящих сторон. Именно на этом этапе развития конфликта возникает национальный вопрос как способ обоснования действий обеих сторон и как способ консолидации участников. Нужно иметь в виду, что локальный конфликт остается таковым до тех пор, пока на него не влияют различные "глобальные" политические интересы. Вмешательство в локальный конфликт различных политических сил отодвигает на задний план первоначальные споры и выводит его к новой схеме противостояния (межнациональной, межконфессиональной, межклассовой и т.д.),<sup>19</sup> в которой конфликт получает новое содержание и новую логику развития.

Подводя итоги, следует признать, что Ленинабадская область Таджикской ССР постепенно втягивается в орбиту межнациональных конфликтов. В области существуют как скрытые, так и "горячие" зоны самых различных по своей природе конфликтных общественных отношений, для которых характерен переход из скрытой в открытую форму, постепенное нарастание масштабов и их политизация. Глубинные причины этого - сложнейшая земельно-водная ситуация и абсолютное перенаселение.

Эти зоны социальных конфликтов можно классифицировать по масштабам и уровню напряженности.

1. Зоны повышенной социальной напряженности. К ним в рассматриваемом регионе относится, в первую очередь, новая часть Матчинского района. Причины ситуации кроются здесь в истории формирования населения, особенностях его расселения, расположении района на границе двух республик. Существенными признаками ситуации является сложение сильной группировки в хабитов

и их идеологическое воздействие на население, прежде всего, таджиков; давление таджиков на русскоязычное население; давление узбекской части населения на таджиков под воздействием пропаганды из Узбекистана.

2. Зоны микроконфликтов. Примером таких зон являются г. Ходжент и его округа. Причина этих конфликтов лежит преимущественно в бытовой хозяйственно-экономической области (сокращение жизненного пространства, потеря возможности ведения традиционного хозяйства и т.д.). Существенные признаки конфликтов: они затрагивают небольшие группы населения, участники разделяются по национальному признаку, конфликты постепенно переходят в открытую форму.

3. Зоны локальных конфликтов. К таким зонам относятся Исфаринский и Ганчинский районы. Причины конфликтов лежат в существенном ухудшении традиционных условий хозяйствования и среды обитания больших групп населения. Эти конфликты носят ярко выраженный межнациональный характер (таджики - киргизы, таджики - узбеки) при их существенной политизации. Конфликты носят долгосрочный, масштабный и открытый характер. Конфликт в Исфаринском районе на данный момент фактически перерос рамки локального и приобретает межреспубликанские масштабы.

В ближайшие годы по мере дальнейшего ухудшения экономической, экологической и демографической ситуации напряженность будет расти и проявляться в форме масштабных открытых конфликтов между таджиками и другими группами населения и вестись под политическими и идеологическими лозунгами.



### Примечания :

1. В.И.Бушков. О некоторых аспектах межнациональных отношений в Средней Азии// Справка № 9. - М.:1990.
2. "Литературная газета". - № 18. - 1991; "Известия". - 19,23 мая 1991 г.
3. В.И.Бушков. Указ.раб. - С.10.
4. Для сравнения: в 1870 г. в пределах современной Ленинабадской области проживало всего 143,4 тыс.чел.
- 5.Например, в связи с тем, что за 1990 г. из столицы Таджикистана г.Душанбе выехало около 90 тыс.некоренных жителей (из 196 тыс.), причем выезжала наиболее квалифицированная часть населения - врачи, учителя, авиаработники, научные работники, инженеры, квалифицированные рабочие - существенно осложнилась обстановка в городе, в частности, останавливались некоторые предприятия. Подобная ситуация возникла и в ряде других городов, а также в других республиках. В связи с этим в республиканской прессе уже появлялись призывы к русскоязычному населению не покидать республику.
6. Справка Исфаринского городского отдела статистики. Текущее делопроизводство.
7. Подсчитано по справке отдела статистики Матчинского района. Текущее делопроизводство.
8. М.А.Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. - Душанбе: 1974. - С.16.
9. Полевые материалы С.Н.Абашина и В.И.Бушкова за 1991 г.
10. Об этом, например, просил в Ходженте один из активистов общества "Эхъеи Хучанд", учитель средней школы из Даштака И.Мухитдинов.
11. Полевые материалы В.И.Бушкова за 1990 г.
12. А.А.Кушакевич. Кишлаки Ходжентского уезда// Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. - СПб.: 1872. - Вып.1. - С.40.
13. В.И.Бушков. Население Северного Таджикистана (формирование и расселение)// Рукопись дис. канд. истор. наук. - М.: 1988. - С.123-126.

14. М. Файзуллаев. Таджики предгорьев Северного Таджикистана. Хозяйство и социальная организация (конец XIX – первая треть XX вв.)// Рукопись дис.канд.истор.наук. – М.: 1987. – С.188.
15. Полевые материалы В.И.Бушкова за 1970 г.
16. С.П.Поляков. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. – М.: 1989. – С.32.
17. По исследованиям Г.Ю.Ситнянского, на горных пастбищах Памиро-Алтая выпасается сейчас втрое больше скота, чем могут выдержать пастбища. Эта ситуация, по мнению местных специалистов, приведет к тому, что уже через 5-10 лет могут начаться необратимые деградационные процессы: Отчет Г.Ю.Ситнянского за 1990 г., с.2-4. Архив отдела Средней Азии и Казахстана.
18. Полевые материалы С.Н.Абашина и В.И.Бушкова за 1991 г.
19. В.И.Бушков. Формирование современной этнической ситуации в Северном Таджикистане// Советская этнография. – 1990. – №2 С.39.